

дыдушей ступеньки. Впрочем, мои сокурники чаще "протыгивались" к вахтанговскому, чтобы еще и еще раз увидеть очаровательную "Нитилу", только что поставленную, или к Охлопкову, благо театр рядом с ГИТИСом. Я традиционно предпочитала брать "Коршун", то есть в мхатовский филиал: поспать туда было легче, чем на основную сцену, а шла и "Школа злополосов", и любимый "Дядюшкин сон" с Хмелевым, и Платон Кречет. Дебютировал так, адски остро вступил на скрипке и боролся за новую методику операци.

Как-то, "одрывая" с французского, я мчалась в мхатовский филиал — кажется, на спектакль инсценировки романа Елизавета Мальцева "От всего сердца", о жизни послевоенной деревни. Очаровательная наша "француженка" Вера Феликсовна, по-фран-

цузски в обществе безбожников, оглянувшись на непрерывное прошлое "Вспомнилос: мне из давней древней книги: здеся лет работай землю, в седьмой пусть земля отдохнет, и когда оземь раз по семи так свершится, тогда асымь трубу и труби, и это будет твой юбилей".

Я отнял ствол у ружья и затрубил, что было мочи. Пришли мои востроенные дети. Я им велел спеть тоже стихи и сказал:

В театральном библиотеке, конечно, есть Пришвин, но кто в МХАТ СССР читает самую Книгу: "В день очищения вострубите трубу по всей земле Вашей".

И осматривая пятидесятый год, и объявляя свободу на земле асем жителям ее: да будет это у вас юбилей! и возвратится каждый во владение свое, и каждый возвратится в

ней птице! И школьнички, скупившие на "Ревюскре". И все же существует МХАТ не только в "ностальджи", но только в апатахных прорывах цензуры: студийкой то мхатовские Миллера показывают, "После грехопавдения" — студенты всех московских вузов, смеются все контролеры, чуть ли не убивают от восторга самих студийцев, владеющих в грех.

Но непрерывна нить жизни поколений. В мхатовском доме усилились эпох поколений: выработан новый тип спектакля. Можно, пожалуй, сказать, не "был создан", но "создался", "образовался". Естественно, несколько неожиданно для самих создателей. В книгах самих написанных, когда театр уже сложился и оказался фламаном мирового театра, мхатовцы-основатели размышляли о том, как это случилось... неизбежно координируя первоначальную реальность дальнейшими теориями-размышлениями. Они имели право писать, что сама программа будущего дела была революционной, что они задумывали перевернуть и организационную систему, и самое понятие спектакля. В начале было большое реальное отрицание театральности, привычного "как в Малом". И было реальное дело, создание нового мхатовского театра с небольшими материальными возможностями, но с большими требованиями к репертуару — режиссуре — актерской труппе — всему коллективу, в который на равных входили бухгалтеры, портные, работники — рабочие сцены.

Иерархия возраста и положения существовала всегда, везде, в Художественном театре она была, пожалуй, сильнее, чем в других театрах: понятия важности, воспитанности существовали для всех, поднимали то, что называлось театральными нравами. Театр создавался реальными, простыми делами всех, подготовкой разностороннего репертуара, в котором возникли два определяющих спектакля — "Царь Федор" и первая "Чайка". С тех пор и начался тип спектакля, который оправдывал до-премьерные условия, неслаженное количество репетиций, внимание к каждой детали, к каждой интонации, которые складывались в "ансамбль", в единую систему спектакля. Спектакля долгожители, какими стал "Федор" — на полвека вперед, какими стали чаше всего спектакли или "Турбины", "Мигаро", "Мертвые души" Станиславского, толстовские спектакли Неймировича-Данченко, работы Кедрова, Станиславского в режиссуре, не разведишь труппу по "бродяжкам" и "драматизмам" — не выдерживающая своей победы на единой почве. На ней же — студийные эксперименты, подчас переходящие в долготелство, опыты реформы музыкального театра.

Естественно, режиссеры и актеры жаждали новых работ, новых ролей. Невозможно было механическое повторение найденного — в ролях, которые играют даже не из года в год, но из десятилетия в десятилетие. При этом разработана гибкая защитная система на просто дублерства, но требовательность в вхождении в спектакль, не нарушая целостности спектакля, новый Лука, или Ноздрин, или Тильталь осуществляли себя, тут же корректируя неизбежные привнесения своего времени.

Когда кончается срок жизни спектакля? МХАТ этот срок неизменно раздвигнул, до бесмертия реальным спектаклям так же далеко, как реальному человеку. Казалось бы, в мизансценах Станиславского, а в ар-

мовских декорациях должно жить и жить "Горючее сердце". Но как вышло, как развалился спектакль в последние свои годы, как явлено он тонул, хотя и заглавливал зачехло персонажи: "Прошлый, любимый город", "Вероятно, в каждом случае — свой срок, свой ответ и ответственность в "Сороковые-роковые", в смутные пятидесятые, в связи с ли-тературными шестидесятиниками, позиции ко-торых разделил МХАТ его наследники — "Современники", возникли вопли классики (Шиплер оказался совместным с МХАТом в поединке двух королей — Елизаветы Английской-Стендальной, Марии Шотландской-Тарасовой "Братия Карамзыха" в видении Б.Ливанова скриплет Зосима — И.Кудрявцев).

И леоновские персонажи не были ласка-жирами "Золотой кареты", судьи их искали чины военной, разорванный город, слепой бал-летист слушает свой баян, Валентин с Валенти-ной пытались сохранить радость своего Валентинова дня, и Олег Ефремов — брига-дир Потолов сам отказывался от премии, и в конце концов отказывался Андрей Карла-вич — Леву Шиндлера, слово персонажа Галкина в страшном сне виделась та, дав-няя, суровая "Зеленая улица". Совершенно исполняли дуга-диалог "Милого лжеца" Бернгарда и его актеры — Куратор и Сте-панова. "Чтобы от истины хочешь, возмь ста-по больше и светлее". "Блок свои" истины ко-диче-нысы предизназначил Станиславско-го, и в замыслах объединялись Блок и Ста-ниславский и Добужинский, но всегда рассы-палась эти замыслы, не разрывая резуль-татов, хотя не существовало никаких цен-зурных запретов. Власть подчас бесконечно запрещала спектакли, подчас бесконечно отпугивала премьеры. Один совет, другой совет, переделай, не арест!

Так закон "Чужой скоты" открыли, когда умер автор, давно прошел сезон, осыпались вешние ветки, зависли в политическом за-нависе, слово — гигантскую прозрачную аэро-сферу. Приход от Ефремова руководителем МХАТ, с его "современниками" наследовали шестидесятичеству, обозначили семидеся-тие девятности годы МХАТА. Годы вы-стившие застой, водворости в глубине, рас-тущие противостоящие поколений, разные перестройки, распад страны — годы теат-рального искусства, не только чужого ко времени но его опережающего. Спектакли ефремовского времени — не только спектак-ли, им поставленные, роли, им сыгранные. Как основательно, ему неизбежно приходится за все отвечать. Именно за все, тем более, что сегодня это можно — границы театра от-крыты, труппа может обновляться, попол-няться, цензур нет — кто что хочет, при-глашай, кого можешь.

В последние десятилетия поставлено мно-жество версий-вариантов классики. Достой-но сыгран бугагаковский "Мольер" — уплатен давший долг театре Ефремов-Мольер вы-читос и раздвинул то ли на парижской сцене, то ли на мхатовской, оснащенной самой пе-редовой техникой. Большая сцена, малая сцена, можно ставить прежде даже по имени непроходимого Мюссона, абсурдиста Но-менко, отнесавшего Петрушулюк, сол-женинских "Олеся и шланговку". Можно было пригласить на спектакль Эфрос, се-годня можно — Додина. Розовский. И в каж-дом спектакле почти — актерские всплески разных поколений: старик "Соло для чело-век с бови", потерянные девочки, ставы сбывте в "Валоничке" Ефремов, приди в семидеся-тии году, сразу заявил себя Дад Кихотом обществу, своим Дуляном, Прекрасно да-му по совместительству — служанку Эфре-мовский "Тартюф" — получился не аэдохом воспоминанием о последней работе Ста-ниславского, но стрепительным зрелищем, в котором закружились Калитин, Богатырев, Вертинская. Бо высту растахивали, выно-рочной жите Иудушки Головлева — Смыт-новского, возле него мименка — Георгие-ская раскладывала пьесы и проклинала сцену. Та же Георгиевская — распутилась дья-вля то ли тонула вместе со своей Мате-рой, то ли возносила вместе с нею над ру-коятворным морем. Впрочем, это уже в разде-ленном театре. Слово огромный корабль разрезан на всю свою длину, от носа до ко-ры. Каждый полвека — своего принала, со своим именем, с общими воспоминаниями о школе-студии и своих началах. Дважды — по пятидесяти. Столетие — оглядка назад, в мно-говековую непрерывность. Труды твоят — юбилей! Если бы знать...

ЗНАТЬ....

Пред-и после-юбилейное)

цуской изначия, жила как раз с мхатовским филиалом. Вышла, она столкнулась со мною, я ее не заметила, и она сделала вид, что меня не заметила. А на следующем занятии сказала, сия глазами и улыбкой: "Лена, у вас было такое счастливое лицо — грех было вас вернуть". — "Ностальжи" — как говорили мы, читая и пытаясь бего переводить Ана-толя Франса. "Ностальжи" — поправляла нас Вера Феликсовна, жившая после в Кана-де и, по слухам, ностальжничко тосковав-шая по своему жилью за филиалом МХАТ, по ГИТИСу, где из одной аудитории доносится вокал из другой — как Михаил Михайлови-ча Морозова, излагающего свою концепцию шекспировских хроник.

Сегодня все чаще слышишь и читается: Художественный кончился с Неймировичем. Даченко. Но как долго его дерево давало плоды: держалось прежние спектакли, "После дна жертва", собиравшая обаяние и жест-кость замаскированной купеческой Москвы, была завершена последние. В пятидесятые пер-вое все истинное, что свойственно Кедрову, сошло-заслило в "Плодах просвещения", в полном согласии автора режиссуры актер-ского ансамбля. Когда — подраг — не стало Сажновского, Москвина, Хмелева, руково-дил театром Кедров. Когда-то основатели одновременно готовили каждый свой спек-такль о людях Норвегии. Владимир Ибсе-нов репертуарный "Гранде" Контантин Сор-гевен — гамусновскую "Драму жизни". И ак-теры образовали как бы две партии — "брод-яжистов" и "драматистов". Кедров всегда был "драматистом". Метод физическо-го действия", которым так увлекся Станиславский в по-следние годы — единственный метод для Кед-рова. Проверен им на "Тартюфе", которого он так самостоительно довел до премьеры после Станиславского. Утвержден в "Туго-кой разведка", в "Плодах просвещения", и сам себя убивает в отенных массовках "Запла "Аврора". Юбилей театр 1948 года орудено представлять Кедрову. Кто помнит первоначальное значение слова? Юбилей — поздравления, подарки, телеграммы, по-желай, лишь Пришвин в годы, когда все воле-

свое плем.

Пятидесятый год да будет у вас юбилей: не свите и не жгите, что само вярнуло на земле, и не снимайте ягод с незорезанных лоз ее". (Лев, 25, 10-11).

Кто читает Книгу в 1948-м? В אותו тру-бит трубы оркестра, принимаются отми де-рять телеграммы, делегации с адресами в бо-гатых палках. Премьеры пятидесятого юби-лейного сезона — "Хлеб наш насущный" Ви-раль. Название — из той же Книги, тема — борьба за урожай, за первый хлебный колхозно-го плана. Премьера "Зеленой улицы" Ана-толя Сурова. Начало — как много лет спустя, в "Заседании парткома". Машинист Сибир-ский отказывается от премии, от славы, про-мчит железнодорожных генералов за показу-ху, за самоуспокоенность: так дальше жить нельзя, вперед, к завтрашнему коммунизму! В спектакле заняты корфий и обаятельные исподне школы-студии, машинист Сибир-ский — Мухомов и академик Рубин. Ливанов разоблачает низкопоклонников перед Запа-дом. Спектаклю присуждена Сталинская премия первой степени. Проложена огром-ная зеленая улица постановочности с имен-ми очертателей Советской власти, разра-ботателей молодежи. Биологов, философов, историков. Поэтов, писателей, композито-ров, художников, антипатриотической груп-пы театральны критиков. Суров со всех подожкоской, со всех кафедр промчит космо-литов, и кажется во всех бывших и не-бывших грехах директор нашего ГИТИСа, руково-дители всех творческих и профессиональных сослов, всех театров. Везде идет один и те же пьесы, в том числе МХАТ разбирается с "Русским вопросом", с "Заговором обречен-ных". Не один сезон — сезоны, годы театр ла-вирует между поздним Корней-чуком, на-чином Юрием Трифоновым, политиче-скими методными мелодрами братьев Тур, разоблачаями пьесами стран социали-стического содружества — и гастролирует в этих странах, на Волге на Енисее, на Амуре, всю-ду получаю похвалы критики, адреса, моде-ли коммюналы или кораблей, на которые вос-хищательно смотрят малолетние зрители "Си-

